

Культурология

УДК 009

Л.М. Слюсаренко

Слюсаренко Лидия Михайловна, ст. научный сотрудник Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова (Ростовская обл., ст. Вешенская, ул. Шолохова, 60), аспирант Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: lida_nik86@mail.ru

Научный руководитель: **Лях Валентина Ивановна**, доктор философских наук, профессор Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: valentinaiaich@mail.ru

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ РОМАНА М.А. ШОЛОХОВА
«ТИХИЙ ДОН» ШВЕДСКИМ ЧИТАТЕЛЕМ**

В статье исследуется интерпретация творчества М.А. Шолохова на примере романа «Тихий Дон» шведским читателем в XX веке.

Ключевые слова: советская литература, шведский читатель, социалистический реализм, интерпретация текста, парадокс восприятия.

L.M. Slyusarenko

Slyusarenko Lidiya Mikhaylovna, senior researcher of the National Sholokhov Museum Reserve, graduate of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), e-mail: lida_nik86@mail.ru

Research supervisor: **Lyakh Valentina Ivanovna**, doctor of philosophy, professor of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), e-mail: valentinaiaich@mail.ru

**CULTUROLOGY VIEW ON THE INTERPRETATION
OF THE NOVEL BY M.A. SHOLOKHOV
«AND QUIET FLOWS THE DON» BY SWEDISH READER**

The issue of the article is the interpretation of M.A. Sholokhov's creativity on the example of the novel «And Quiet Flows the Don» by a Swedish reader in the XX century.

Key words: Soviet literature, Swedish reader, socialist realism, text interpretation, paradox of perception.

После установления советской власти казачество, как военное сословие, было подвержено гонениям. Ответом на жесткие бескомпромиссные меры властей по «расказачиванию» стало Верхне-Донское восстание, начавшееся весной 1919 года. Откликом на эти события, эпическим полотном, отразившим картину мирной жизни и весь драматизм людских судеб в переломное для страны время, стал роман М.А. Шолохова «Тихий Дон», принесший своему создателю и бессмертную немеркнущую славу, и бесконечные непрекращающиеся споры. В нем писатель отразил закономерности жизни казачества, осмыслил и воссоздал общую картину бытия, показал значимость человеческих судеб, затронув сердца миллионов людей не только в России, но и за ее пределами. Культурологический взгляд на данную проблему актуализирует ее интерпретацию в рассматриваемом ключе.

Итак, выбор названия данной статьи неслучаен. В многочисленных интервью, разговорах с современниками М. Шолохов не раз признавался в особом отношении к «Северу». Оно формировалось у писателя с раннего детства. В обращении «К шведским читателям» Михаил Александрович писал: «Давным-давно, еще будучи юным гимназистом, я мечтал побывать в Скандинавии. Тогда, в отличие от моих сверстников, меня не искушали тропические страны – меня более влек к себе Север. Ведь уже тогда я зачитывался и был восхищен книгами Лагерлеф, Стриндберга, Гамсуна, а через них – и самой Скандинавией» [5, с. 329]. И в самой Скандинавии роман нашел благодатную почву. Период, когда шведы, норвежцы и датчане интересовались прозой русских писателей, совпал со временем расцвета в скандинавской литературе реалистического направления.

Таким образом, роман можно считать «продуктом истории» и объектом интерпретации в культурологическом знании. Теория интерпретации художественного текста развивалась в трудах исследователей зарубежной и отечественной культурологии, философии, лингвистики XX–XXI в. В данной статье использован рефлексивный подход к интерпретации, разработанный в трудах Ж. Дерриды [2], а также положения, выдвигаемые П. Рикером в его теории о герменевтике [6].

В этой связи актуальны размышления П. Рикера о том, что всякая интерпретация имеет целью преодолеть расстояние, дистанцию между минувшей культурной эпохой, которой принадлежит текст, и самим интерпретатором. Преодолевая это расстояние, становясь современником текста, интерпретатор может присвоить себе смысл: из чужого он хочет сделать его своим собственным; самопонимания он намеревается достичь через понимание другого [6, с. 22].

Анализируя многочисленные отклики на роман в Скандинавских странах, необходимо отметить две важные тенденции, определявших его интерпретации. С одной стороны, еще до прихода М. Шолохова в скандинавскую литературу, там уже сложилось мнение о том, что каждый

советский писатель творит в строгом соответствии с идеологической установкой, воспевая провозглашенный политический строй. Оно выражалось в общей неприязни к большевикам и, соответственно, к продуктам советской культуры. Термин «социалистический» к понятию «реализм» утверждался и в русской, и в скандинавской литературе. С другой стороны, как только этот роман поступил на скандинавский книжный рынок, читатели неожиданно увидели в нем продолжение лучших традиций классической русской литературы XIX века. Многие даже сошлись на мнении о том, что М. Шолохов – эмигрант, так как описать повседневную культуру казачества и опубликовать такое произведение в стране Советов невозможно.

В данной статье предпринимается попытка объяснить с точки зрения культурологи, чем обусловлен такой парадокс интерпретации произведения.

Сначала необходимо прояснить позицию Шолохова-художника у себя на родине в конце 1920-х – начале 30-х гг. – времени публикации романа и его переводе на иностранные языки. По мнению Н.В. Корниенко, понятия «советский писатель» и «советская литература» возникают уже в первой половине 1920 гг. Тогда же кристаллизовались фундаментальные отличия новой литературы от русской как литературы национальной [4, с. 483].

Являлся ли М. Шолохов приверженцем «новой литературы»? И вытекающий отсюда второй вопрос: если не являлся, то как ему удалось опубликовать роман целиком и без изменений авторского замысла, раскрыв особенности культуры и быта казаков?

В 1923 году Шолохов, находясь в Москве, примыкает к литгруппе «Молодая гвардия», «профессорский» штат которой составляли представители радикальных групп МАПП («На посту») и «Лефа». Они пропагандировали партийно-государственную программу борьбы за «новый быт», обучали развертыванию «сюжета», новому пониманию русской истории и литературы, марксистскому взгляду на религию, мораль, семью и любовь, воспитание детей... Свое отношение к курсу этих «образовательных

лекций» и их роли в его литературной биографии Шолохов впоследствии высказал в письме к молодогвардейцу И. Рахилло: «Твои лирические воспоминания о семинарах «Молодой гвардии» – твое личное дело, но мне «лекции» О. Брига, на которых я присутствовал три или четыре раза, дали столько же, сколько дает поваренная книга, скажем, архитектору» [8, с. 337].

Если с «Донскими рассказами» Шолохов хоть как-то подходит под комсомольско-крестьянскую тематику и принимается идеологической критикой, то разворачивающиеся события «Тихого Дона» начинают серьезно беспокоить критиков и, соответственно, коллег по цеху. Их призывы учиться «правильному» пониманию Льва Толстого и пролетарскому подходу к Григорию Мелехову не дают своих плодов. Шолохов упрямо продолжает гнуть свою линию. В результате публикация третьей книги романа была остановлена. В письме к Е.Г. Левицкой от 2 апреля 1930 г. Шолохов пишет: «Фадеев предлагает мне сделать такие изменения, которые для меня неприемлемы никак. Он говорит, ежели я Григория не сделаю своим, то роман не может быть напечатан. <...> Делать всю вещь – и, главное, конец – так, как кому-то хочется, я не стану. Заявляю это категорически. Я предпочту лучше совсем не печатать, нежели делать это помимо своего желания, в ущерб и роману, и себе» [8, с. 54]. Понимая огромный потенциал произведения, М. Горький берется помочь Шолохову. Он устроил М.А. Шолохову встречу с И.В. Сталиным, состоявшуюся в декабре 1931 года, и именно диалог писателя с вождем стал отправной точкой в зависшем вопросе с публикацией третьей книги «Тихого Дона» – Сталин разрешил публиковать роман без изменений.

Скандинавскому читателю вряд ли был известен извилистый путь романа к публикации и переживания автора, связанные с ней. Однако в истории публикации романа как раз содержатся предпосылки к его интерпретации. Обратимся непосредственно к откликам на роман.

Швеция была первой скандинавской страной, в которой перевели «Тихий Дон», он поступил на шведский книжный рынок в 1930 г. Роман

заметили и отреагировали на него весьма восторженно, правда, сразу же назвав Шолохова «революционным писателем». Критик К.-А. Буландер писал: «Я не знаю, кичится ли Михаил Шолохов титулом революционного писателя. И все же очень хорошо, что неведомый нам творец «Тихого Дона» М. Шолохов не только коммунист, но и поэт!.. Шолохов – это эпик, писатель-летописец, унаследовавший силу и свежесть старой русской прозы. Его роман – это казацкий эпос, широкая, сочная история Дона, живое и красочное изображение жизни донского казачества...» [9].

В следующей статье «Восстание на Дону» шведский критик, подписавшийся «Е.В.О.», обвиняет Шолохова в пропитке «партийной программой»: «Тот, кто с восхищением прочел I часть романа Шолохова «Тихий Дон» и с нетерпением ожидал второй части в переводе на шведский язык, будет немного разочарован. Писатель стал писателем-историком, но не историком, желающим воссоздать истинное произошедшее в видимом, а писателем, утверждающим официальную точку зрения, заранее разработанную схему и практическое отношение к своей теме. Шолохов – жертва тенденциозного творчества, живое доказательство того, что искусство гибнет, когда его вздабривают партийной программой» [1].

Шведский писатель Эйвин Йонссон на страницах социал-демократической газеты «Арбетет» пишет о том, что «обычно роман такого размера, как «Тихий Дон» – на более 1300 страницах – к концу утомляет. Но в этом случае тема слишком богата: вместо усталости с каждой новой частью возникает все новый интерес <...>«Тихий Дон» значителен не только по своим качествам хроники и реалистического романа, но и по своим глубоким психологическим описаниям, богат чудесными, разящими наблюдениями как в отношении особой психологии казаков, так и человека вообще. Уже сейчас, еще неоконченный роман, представляется одним из самых важнейших вкладов в новую русскую литературу...» [3].

В данной работе представлена малая часть отзывов, которые отражают основные тенденции интерпретации романа в 30-е годы XX века. Но уже по

ним можно сделать выводы о том, что советский писатель М. Шолохов воспринимался продолжателем традиций русского повествовательного искусства, романистом-эпиком, чутко реагирующим на события в истории страны и жизни народа.

Ко всему сказанному можно добавить мнение самого писателя по поводу «социалистического реализма». В одном из интервью М. Шолохов сказал, что вопросы теоретического характера в его компетенцию не входят. «Я просто писатель... Критики сначала называли мои произведения произведениями кулацкого писателя. Позже я был для них «контрреволюционным» писателем. В последнее время обо мне начали говорить, что я всю жизнь был социалистическим реалистом» [7, с. 11].

Интерпретация художественного текста романа шведским читателем позволяет сделать вывод, что это произведение всегда будет вызывать живой интерес, т.к. в нем отражена повседневность казаков, их нравы, традиции, взгляд на историю и культуру, несмотря на идеологические рамки той эпохи, в которую он создан.

Список используемой литературы:

1. Восстание на Дону // «Свенска Дагбладет». 21.10.1931. Шолоховский фонд РОМК КП-2890/761.
2. *Деррида Ж.* О грамматологии. М., 2010.
3. *Йонссон Э.* «Тихий Дон» М. Шолохова // «Арбетет». 18.10.1934. Швеция, Мальме. Шолоховский фонд РОМК КП-2890/84.
4. *Корниенко Н.В.* «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М., 2010. С. 483.
5. *Прийма К.И.* «Тихий Дон» сражается. М., 1975. С. 258.
6. *Рикер П.* Очерки о герменевтике. М., 2007. С. 22.

7. *Тайгин А.* Социалистический реализм. Заметки о советской литературе. Мюнхен, 1958. С. 10–11.
8. *Шолохов М.А.* Письма. М., 2003. С. 337.
9. Эпос о казаках // «Дагенс Нюхетер». 21.10.1930. Стокгольм, Швеция. Шолоховский фонд РОМК КП-2890/763.